

Юрий Михайлик

Бессмертье есть

Отрада

Э. Ц.

1.

Верь в этот камень. Он – осколок света,
хранимого во глубине морей.
Царапни стену – выпадет монета
древнейшего из памятных царей.
И морю верь. Живое не устанет
писать тебе, когда меня не станет,
в узор прибоя раскатав строку
по темному, по хрусткому песку.
И солнцу верь. По берегу Отрады
других причин для радости не надо –
все это было создано не зря...
Вот город наш. И этот желтый камень,
и свет с небес, нетронутых веками,
и нежности бездонные моря.

2.

Так уж повелось спокон веков –
у поэтов нет учеников,
быть поэтом научить нельзя –
это одинокая стезя,

как ночная тропочка в горах,
снизу мрак и ужас, слева страх,
справа – осязатима, не видна –
каменная смертная стена,
темная безвестность впереди,
что уж тут поделаешь – иди.
Если доберешься до села –
жизнь пьяна и совесть весела,
оступился, грянул с высоты –
там, внизу, полно таких как ты.
Страшен шаг, а жизнь твоя слаба,
жизнь куда слабее, чем судьба,
пред тобой, бездонна и тиха,
Верхняя Сванетия стиха...
Беспощаден мир. Закон толков –
у поэтов нет учеников.
Сверху небо, а внизу земля.
У поэтов есть учителя.

3.

Кружевная решетка ограды,
где тропа, как строка, коротка,
и кружащийся взгляд маяка
не найдет нас на склонах Отрады.
Всю песчаную ночь напролет –
словно запись любви и отваги –
краснолапые нотные знаки
темный берег для нас пропоет.
Эту музыку мне не забыть,
там, в прибрежном и бережном пенье, –
все прощенья твои, все терпенье,
все умение ждать и любить.
Там, где берег над морем высок,
где волна угасает со стоном,
этот камень зовется сэндстоун –
сжатый временем жаркий песок.

* * *

Бессмертье есть. Но в вечной круговерти,
в тугой тревоге о судьбе детей,
в заботах быта, в ужасе смертей
мы не были приглашены к бессмертью.

И в ясный день над уровнем волны
едва заметишь в зыбком отдаленье
полоску меж бессмертьем и забвеньем –
они раздельны и разделены.

Вовек бессмертна горькая вода,
шуршащая всю ночь у изголовья
и знающая лишь одно условие –
про нас с тобой не помнить никогда.

Бессмертна степь, наклонная к волне,
и глинистые рыхлые ущелья,
столетия забвенья и прощенья
тем, прежним, да и с нами наравне.

Свидетелей тому не соберу,
но есть один – молоденький, счастливый,
изысканный багульник над обрывом,
трепещущий на утреннем ветру.

* * *

Из темных ключев возникла тьма –
величественно, грозно, на котурнах.
И тот, сказавший: «Дания – тюрьма», –
так мало знал о даниях и тюрьмах.
А тьма смыкалась, высилась, росла,
окутывала очертанья зданий
и растворяла – будто бы несла
возможность облегчений, оправданий, –
во тьме уже никто не виноват,

исчезли реки, выгорели рощи,
здесь нет рассвета, здесь пропал закат,
вслепую нужно двигаться, на ощупь.
Что ж – Дания? Во мраке ошалев
от ужаса, от боли, от бессилья,
ни королей не жаль, ни королев –
лишь девочки намокнувшие крылья...

* * *

А в Тихом океане вода куда солоней,
чем та, что плещет в тумане за тысячи миль и дней,
под солнцем стонут и стыннут, рифмуясь долей своей,
южных земель пустыни с пустынями южных морей.

Светило берет измором свой полукруглый путь –
с рассветом вставать из моря и к ночи в нем же тонуть,
очерченный зноем сейнер волочит ночной улов,
и тихо дрейфуют на север обломки древних миров.

Медлительно, неторопливо горячую синеву
ленивый рассол прилива удерживает на плаву.
И птичьи белые пятна над берегом вдалеке
колеблются на невнятном неведомом языке.

Но не уходя из вида в географии и в судьбе,
недальняя Антарктида дышит в спину тебе
сквозь все миражи и обманы, неотступная, как беда, –
а в Тихом океане куда солоней вода.

* * *

Земля простит, она их всех простила –
кто были понаглей и половчей –
простила Чингисхана и Аттилу,
и прочих сволочей и палачей.

Земля забудет всех своих убитых,
пожарища и слезы матерей,
она их спишет, отнесет в убыток
холодной бухгалтерией своей.

Во мглу, во тьму по собственному следу
летит земля, не помня бед и дат,
и девочки, отпраздновав победу,
вновь примутся рожать других солдат.

Но там, во тьме, где прошлое хранится,
где, кажется, обрублены концы,
давным-давно забытые границы
вспухают, как багровые рубцы.

